

СОВРЕМЕННЫЕ КРИЗИСЫ И КОНФЛИКТЫ: ОСОБЕННОСТИ, СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ

Аннотация: Статья посвящена анализу источников возникновения, сценариям развития и возможным направлениям урегулирования и предотвращения современных конфликтов и кризисных ситуаций. Как показывает опыт прогнозирования геополитической обстановки последних лет, зарождающиеся кризисы и конфликты не поддаются своевременному распознаванию и диагностике. Примерами этому являются многочисленные «цветные революции» и протестные движения имевшие место на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке, к которым экспертное политологическое сообщество было не готово, несмотря на повторяющиеся предпосылки и сценарии организации подобных «революций». Примером этому является волна «арабских революций» в государствах Северной Африки и протестных движений в Украине, Киргизии, Грузии и Молдавии, приведших к устранению правящих режимов. Если выразиться образно, триумф социальных сетей обусловил фиаско политической прогностики, которая использовала компаративный подход к анализу и прогнозированию политических процессов, применяемый ещё в эпоху биполярности, когда две сверхдержавы определяли основные параметры мирового развития, а страны-участницы военно-политических союзов соблюдали блоковую дисциплину и активно поддерживали политику США и СССР на международной арене. В те времена в прогнозировании применялась линейная экстраполяция развития обстановки на государственном и международном уровнях от текущего состояния. В настоящее время ситуация коренным образом изменилась. Социально-политические процессы, протекающие в государственных и международных системах приобрели свойства нелинейности развития и турбулентности проявления, ввиду появившихся возможностей для практически всех членов социальных сетей влиять на развитие политических процессов. Всё это значительно осложняет выявление и диагностику зарождающихся конфликтов и кризисных ситуаций.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, арабские революции, геополитика, конфликты, дипломатия, государство, интересы, безопасность, ценности.

Как показывает анализ, в течение 1990-х гг. в мире насчитывалось 170 конфликтных зон, в которых было 30 конфликтов в активной форме. Однако в 2000-х гг. количество вооруженных конфликтов начало снижаться и в настоящее время их число стабилизировалось на отметке 5–7 единиц¹. Зато возросло число внешних и внутренних участников конфликтов.

Главной особенностью современных кризисов и конфликтов внутригосударственного и регионального масштаба является наличие широкого международного измерения в силу прямого или косвенного вовлечения заинтересованных внешних субъектов международной политики, стремящихся оказать военную, финансовую и информационную поддержку одной из сторон в своих интересах, а также влиятельных международных организаций. Как показывают события в Ливии и Сирии, это не позво-

ляет властям страны считать его своим внутренним делом, даже если он и оказывается таковым с международно-правовой точки зрения.

Второй особенностью большинства современных конфликтов является их ценностное измерение, реализуемое в форме борьбы этнических и культурно-конфессиональных идентичностей. При этом ценностный фактор часто используется в качестве идеологического обоснования и пропагандистского прикрытия борьбы сторон конфликта. Вместе с тем, сегодня можно привести немало примеров, когда несовместимость интересов преодолена, а конфликт не утихает из-за иррационального стремления лидеров радикальных движений сражаться до конца «за веру» или «во имя подлинной независимости нации». Объясняется это тем, что идеи защиты национальных интересов и достоинства нации, «истинности веры» сегодня можно использовать в качестве мобилизационного резерва.

Третьей особенностью современных конфликтов является его тотализация, означающая вовле-

¹ Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект-Пресс, 2004, с.23.

ченность в конфликт широкого круга международной общественности. При этом инструментом тотализации выступают СМИ и социальные сети, создающие общественное мнение, которое влияет на позиции глав государств и международных организаций.

Таким образом, значительное число внешних и внутренних участников конфликта, его нечётко очерченные географические границы, взаимообусловленность многих социально-экономических, конфессиональных и гуманитарных аспектов конфликта делают его развитие трудно предсказуемым и превращают его анализ и прогноз в трудно-разрешимую задачу со многими неизвестными.

Распространённость конфликтных и кризисных ситуаций в современном мире обусловлена высоким уровнем конфликтности внутригосударственных и международных отношений, определяемых следующими факторами:

- соперничеством ведущих мировых и региональных субъектов международной политики за сферы военно-политического влияния, а также за источники сырья и рынки сбыта на постсоветском пространстве и в регионах Ближнего Востока с использованием стратегий не прямых действий и «мягкой силы»;

- возросшей активностью дипломатических, неправительственных организаций и специальных служб, поощряющими, организующими и финансирующими оппозиционные силы на борьбу с действующей властью. При этом организаторы протестных движений иногда привлекают (как это было в Ливии и Сирии) для участия третьи страны, вербуемые и обучающие наёмников и финансирующие их деятельность.

Сценарии политических переворотов были успешно реализованы в Украине, Грузии, Киргизии и Молдове, а также в государствах Северной Африки, надолго дестабилизировавших социально-политическую обстановку в данных странах. При этом движущей силой подобных «революций» является молодёжь, доля которой среди общего количества населения растёт. Ожидается, что доля молодёжи в возрасте до 30 лет к 2020 г. составит соответственно в Азии—47%, на Ближнем Востоке и в Северной Африке—57 %, а в зоне к югу от Сахары—70 %². При этом в большинстве стран данных

регионов в ближайшей перспективе условий для успешной социальной интеграции молодёжи в общественные структуры не предвидится, что делает её источником грядущей социально-политической нестабильности и конфликтов.

Этно-конфессиональный сепаратизм создаёт серьёзную угрозу внутригосударственной и региональной стабильности и международной безопасности. Во всём мире действуют многочисленные сепаратистские организации, которые опираются на финансовую и идеологическую поддержку ваххабитов Саудовской Аравии и Катара. Тысячи студентов обучаются в ведущих исламских университетах стран Ближнего Востока, которые возвращаются на родину в страны Европы, постсоветского пространства и в Россию. При этом в странах европейского континента созданы благоприятные условия для высокой мобильности населения и мигрантов. Интернет и глобальная система связи обеспечивают успешную организацию и координацию действий в трансграничной сети сепаратистских и оппозиционных движений. А глобализация информационного пространства позволяет добиться максимального пропагандистского эффекта, поскольку лидеры подобных организаций имеют возможность доносить свои идеи и требования до широкой аудитории в социальных сетях и в Интернете и осуществлять свои акции в режиме реального времени.

Притягательность экстремистских идеологий возросла на фоне осознания большинством людей социального и политического неравенства в современном мире. До наступления информационной революции, народы, жившие на один доллар в день, мирились с нищетой и беспорядком, поскольку не подозревали о наличии достойного уровня жизни и благосостояния в развитых странах мира. Гедонизм «золотого миллиарда» и обеспеченная жизнь жителей мировых столиц, показанные мировыми СМИ, вызывают у людей «третьего мира» чувство зависти, возмущения и ненависти, которые подогреваются радикальными политическими движениями. Создание глобального информационного пространства способствовало повышению политизированности населения, осознанию людьми того факта, что в мире есть богатые и успешные бедные страны на фоне своих застарелых экономических и социальных проблем, коррумпированных режимов и клановости. Всё это способствует дестабилизации социально-политической обстановки в странах с несформировавшимися политическими системами и государственными институтами.

² Бордунова Е. Молодёжь в странах Ближнего Востока: социально-политические и экономические последствия быстрого демографического роста. ГУ-ВШЭ. Реферат. <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/student03.php>

При всём многообразии современных кризисов и конфликтов они имеют следующие общие черты:

1. Глубина противоречий, в основе которых лежит противостояние сформировавшихся веками ценностей и образов жизни народов, принадлежащих к различным цивилизациям. Такие противостояния с трудом поддаются урегулированию. Так в конфликте Армении и Азербайджана вокруг Нагорного Карабаха, а также в палестинско-израильском противостоянии просматриваются не только территориальные споры, но и столкновение культурно-конфессиональных систем.
2. Поддержка сторон конфликта внешними субъектами международной политики, которые принадлежат к различным цивилизационным платформам. Так, например, в споре вокруг Фолклендских островов в 1982 г. на стороне Аргентины стоял весь латиноамериканский мир, а на стороне Великобритании – страны Запада. Масштабы цивилизационной поддержки арабского мира в Афганистане испытал на себе сначала «ограниченный контингент» Советской армии, а затем и коалиция войск НАТО. Сильную поддержку со стороны исламского мира ощущает народ Палестины в его противостоянии с Израилем.
3. Конъюнктурные изменения ориентации участников конфликтов с цивилизационной основы на факторы текущей политической ситуации в ходе развития конфликтной ситуации. Так, участники сербо-мусульманско-хорватского противостояния в Югославии меняли союзников в зависимости от политической ситуации: сначала хорваты-католики выступали в союзе с мусульманами против православных сербов, потом сербы становились союзниками мусульман против хорватов. Позиция стран Запада по отношению к участникам конфликта в Югославии определялась не соображениями цивилизационной близости, а политической целесообразностью. Германия поддерживала хорватов, Великобритания и Франция были на стороне сербов, а США – на стороне боснийцев-мусульман. Как видно, цивилизационный принцип участия сторон в конфликте приносился в жертву решению текущих политических задач.
4. Трудности четкого разграничения агрессора от жертвы агрессии. Ярким примером являются также события в Югославии, где возник конфликт между тремя цивилизациями: славяно-

православной, католической и исламской и каждая сторона видела в своих противниках агрессоров, а себя представляла как жертву. Это отражалось и на аргументации сторон, находящихся по разные стороны «баррикад», их суждениях о причинах конфликта, его инициаторах и путях урегулирования, которые, как правило, оказывались диаметрально противоположными.

Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на то, что большинство конфликтов носят межцивилизационный характер, имеет место их возникновение между субъектами, принадлежащими одной общей цивилизационной платформе. Примерами являются ирано-иракская война 1979–1980 гг., а также имеющая место в настоящее время гражданская война в Сирии, в основе которых лежит соперничество шиитской и суннитской ветвей ислама.

«Цветные революции» как инструмент переформатирования геополитических пространств

Феномен «цветных революций» впервые проявился в Сербии в конце 1990-х гг. Затем аналогичные события последовали в Украине, Грузии, Киргизии, Молдавии и повторились на Украине в 2013 г. В Белоруссии, Узбекистане и России также были попытки организации протестных движений, но там они не получили развития вследствие устойчивости государственных институтов и отсутствия достаточной поддержки со стороны населения. Там где «цветные революции» закончились успешно, политические режимы претерпели трансформацию, в основном прозападную и антироссийскую. Это говорит о том, что данные явления представляют серьёзную опасность для национальных интересов России, так как они представляют собой эффективный инструмент переформатирования политических пространств в интересах внешних субъектов международной политики.

Анализ организации и проведения «цветных революций» показывает, что режиссёры данных политических акций руководствуются на подготовительной и начальной фазах данных акций следующими принципами:

1. Опора на ненасильственные формы и методы достижения политических целей с использованием информационно-психологических технологий воздействия на сознание людей, для побуждения их к проведению «мирных» политических акций с целью осуществления «леги-

тимной» с правовой точки зрения смены политического режима в стране в лице президента, изменения состава кабинета министров, проведения досрочных выборов под контролем международных наблюдателей.

2. Использование в качестве движущей силы для осуществления политической трансформации оппозиционной партии или общественного движения, опирающихся на так называемый «креативный класс», жаждущих перемен, деклассированных элементов и людей с нереализованными амбициями.
3. Использование сетевого принципа организации протестных движений с активным привлечением СМИ для легитимации своих целей и задач, что можно рассматривать как особую форму ведения информационной войны внешними акторами международной политики по отношению к действующей власти.

Сегодня не секрет, что основными катализаторами «цветных революций» являются инициаторы, которыми являются зарубежные спонсоры, финансирующие молодёжные организации и оппозиционные политические партии, лидеры которых заявляют о своей поддержке западной модели демократии и либеральных ценностей. При этом активисты подобных «революций» получают финансовую поддержку в виде грантов и стипендий со стороны таких организаций, как Институт «Открытое общество» (фонд Джорджа Сороса), Гарвардский университет, Институт Альберта Эйнштейна, Международный республиканский институт, Национальный демократический институт (США), Международный институт ненасильственных конфликтов и Международный институт стратегических исследований в Лондоне. Известно также, что значительные ресурсы поступают через американский Фонд поддержки демократии в Восточной Европе³. Но всё вышперечисленное – это внешние проявления. «Питательной средой» для возникновения общественного недовольства и последующих за ним протестных выступлений являются нерешенные социально-экономические проблемы. При этом государства с затянувшимся переходным периодом политических и экономических преобразований попадают в основную группу риска. По мнению Р. Макинтайра, что если в рыночной экономике страны задействовано менее 20 %

³ Попов О. Российские правозащитные организации и «западные» правозащитные фонды. 16.03.2008. <http://sibcenter.info/geopolitics/2008/03/rossijskie-pravozashitnye-organizaii...>

её населения, то там следует ожидать роста социального напряжения и политических потрясений⁴.

Фактором, способствующим успеху «цветной революции», является также слабость центральной власти и её непоследовательность в решении социально-экономических проблем. Это привело к тому, что на Украине в течение десяти лет (в 2004 и 2013–14 гг.) произошло две «цветных революции». Международные организации и руководители стран Запада вместо того, чтобы оказывать реальную экономическую помощь данной стране всячески стараются её ослабить, ограничивая действия руководства Украины по пресечению деструктивной деятельности оппозиции, занимающейся подрывом основ государственного строя, используя его демократические институты. Поэтому неудивительно, что «цветные революции» происходили в странах СНГ наиболее благополучных с точки зрения соблюдения норм демократии: в Украине и Грузии, где СМИ имели большую свободу действий, а в Киргизии К. Бакиев был самым демократическим президентом на постсоветском пространстве.

В условиях социально-политической нестабильности в государстве благоприятную среду для проведения «цветных революций» создают СМИ либерального толка, в которой политики и общественные деятели прозападной ориентации играют роль «катализаторов перемен», воздействуя на сознание людей с целью создания благоприятного фона для грядущего «движения к демократии», а вышедшим на улицы толпам придают статус «народа», требующего перемен.

Анализ подготовки и проведения «цветных революций» показывает, что в большинстве случаев они развивались по одинаковому сценарию, описанному в книге американского политолога Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии» и опубликованной им в 1993 г.⁵. Согласно Дж. Шарпу, политическая борьба против правящего режима в рамках конституционных норм обречена на неудачу. Поэтому он советует сосредотачиваться на ненасильственных методах борьбы с правящим режимом путём организации различных форм организации протестного движения и неповиновения властям. Работа Дж. Шарпа говорит о том, что «цветные

⁴ Макинтайр Р. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов. // Проблемы прогнозирования, № 2, 2002.

⁵ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. http://www.aeinstein.org/FDTD_Russian.pdf

революции» представляют собой американскую технологию организации государственных переворотов, с использованием СМИ и социальных сетей, оплачиваемых и контролируемых международными неправительственными организациями, являющимися инструментами западного влияния.

Согласно сценарию Дж. Шарпа, «цветная революция» начинается с того, что оппозиция начинает инициирование процессов делегитимизации власти в форме обвинения чиновников государственного аппарата, руководителей различного уровня и политиков в коррупции. Власть обвиняется в отсутствии эффективной социальной политики, выражающейся в росте тарифов естественных монополий, авторитарных методах правления, нечестных выборах, несоблюдении прав и свобод граждан и репрессиях против противников режима. Здесь достаточно вспомнить лозунг Навального: «Единая Россия – партия воров и жуликов!». Далее по сценарию оппозиции нужны «жертвы власти» (в случае России – это Навальный, Удальцов, Ходорковский, Магницкий), наличие которых является обязательным компонентом любой «цветной революции» поскольку их преследование не только «дискредитирует» власть перед лицом демократической общественности, но и связывают ей руки в отношении реализации дальнейших вариантов действий, одновременно призывая протестные группы населения на подключение к акциям протеста, оживляя тем самым мифологический конфликт противостояния Давида, которым представляется народ против Голиафа в лице антинародного и репрессивного режима.

На следующем этапе «революции» происходит формирование её трёх движущих сил: радикально настроенной молодёжи, боевых отрядов, прибывающих в столицу из регионов для осуществления протестных действий, и так называемого «креативного класса», состоящего из представителей мелкого и среднего бизнеса, недовольного властью и жаждущего перемен. Свидетельством тому являются события в Украине, Грузии и Киргизии значимую роль в которых сыграли отряды, прибывшие для поддержки «революции» из регионов, а также местные маргинальные элементы типа националистов, неонацистов и антисемитов. Они были организованы в отряды и подчинялись своим «полевым командирам». При этом их энергия полностью расходовалась на протестное движение, так как в отличие от горожан, собиравшихся на площадях и улицах и имевших возможность в любое время разойтись по домам, прибывшие в

столицу «регионалы» не имели здесь ни крова, ни дома, что вынуждало их занимать здания государственных органов.

Ещё одним важным моментом в организации «цветной революции» является правильный выбор её лидера. Лучшим вариантом здесь может быть хорошо известный и достаточно авторитетный политик, недавно ушедший с высокого поста в системе власти и перешедший на сторону оппозиции, которого должны окружать менее известные деятели, представители толпы, шоу-бизнеса, спортсмены. При этом помимо оппозиционности, к таким «лидерам» предъявляется требование твёрдой приверженности западным демократическим ценностям и свободам, культуре и образу жизни. А чтобы эта приверженность выглядела правдиво, лидеры оппозиции должны наглядно продемонстрировать это протестующему народу: например, жену с американским гражданством (Саакашвили, Ющенко), либо подчёркивать, что он жил и учился на Западе (Саакашвили).

Сценарии развития современных конфликтов и кризисных ситуаций и возможные пути их урегулирования

Как уже отмечалось выше, конфликтогенность современного мира явилась, с одной стороны, одним из следствий окончания «холодной войны» и прекращения конфронтации двух военно-политических блоков, каждый из которых был организован и иерархизирован ведущими сверхдержавами, в которых участники соблюдали блоковую дисциплину и идеологическую сплочённость, а с другой стороны, глобализацией мирового информационного и культурно-конфессионального пространства. При этом весомым конфликтогенным фактором стал принцип этно-конфессионального самоутверждения, более радикальный, чем самоутверждение времён биполярности основанного на идеологическом принципе.

В последние десятилетия с проблемами этно-конфессиональных вызовов сталкиваются многие государства. Массовая миграция в страны Европы из развивающихся государств, лишь ограниченно сдерживаемая иммиграционной политикой Европейского союза, создаёт в перспективе прямую угрозу идентичности, культурной целостности и национальной безопасности стран европейского континента. Здесь приходится согласиться с мнением С. Хантингтона, который говорил, что если в стране не происходит культурная ассимиляция им-

мигрантов, то там возникает потенциальная угроза гражданской войны⁶.

Социологические исследования показывают, что если численность мигрантов составляет незначительную долю от населения страны, то во втором и третьем поколениях происходит их ассимиляция доминирующей в стране культурой и происходит «растворение» мигрантов в общей массе коренного населения страны. Если же доля мигрантов в стране растёт быстрыми темпами, то этого не происходит и их количество начинает приближаться к некоторой «критической массе» (по нашим оценкам – это 15 % от населения страны), то происходит формирование национальных анклавов, представители которых начинают бороться за признание властью страны своих социальных и политических интересов. «Первыми ласточками» в этом плане можно считать появление этнических анклавов в крупных городах России, конфликты на этнической почве и требование строительства мечетей в местах компактного проживания мусульман. Так создаются условия для зарождения кризисных ситуаций, нерешенность которых приводит к возникновению конфликтов на межнациональной и конфессиональной почве.

Вышеперечисленные факторы говорят о том, что перед экспертным сообществом стоит задача выявления условий возникновения конфликтов на ранних стадиях, когда ещё имеется возможность начать процесс их урегулирования до того, как процессы не приняли необратимый разрушительный характер. Это относится, в первую очередь, к иммиграционной и конфессиональной политике государства, а также к вопросам адаптации иммигрантов в конфессионально-культурную и правовую среду принимающей их страны.

Что касается сценариев развития кризисной ситуации, то фаза её зарождения обычно проходит в скрытой, неявно выраженной форме. На этом этапе происходит формирование условий и зарождение тенденций будущего конфликта, кажущихся, на первый взгляд, не опасными и не влекущими серьёзных последствий. Имеющие место инциденты местные власти представляют как инциденты, имеющие бытовое значение и не имеющие этноконфессионального подтекста. Да и сами инициаторы кризисных тенденций намеренно занижают их значимость, успокаивая общественность и власти в отсутствие какой-либо опасности для основ

государственности и списывая их на действия маргиналов, не несущих серьёзной угрозы общественной безопасности. В качестве примера можно привести ситуацию в Татарстане, где местные власти успокаивают Москву в том, что обстановка находится под контролем, а сожжение нескольких православных храмов является злостным хулиганством. Другими примерами являются осквернение Храма Христа Спасителя панк-группой Pussy Riot, в защиту которой выступила группа российских деятелей культуры и звёзды зарубежной эстрады, а также акции «крестоповала» и группы «Фенэм».

На второй стадии развития кризиса происходит расширение его масштабов, что оказывает влияние на общую обстановку в стране, вынуждая центральную власть принимать меры по недопущению его расширения путём привлечением силовых ведомств для стабилизации обстановки и борьбы с экстремистами.

На третьей стадии развития кризиса, характеризующейся крайним обострением обстановки, противоборствующие стороны начинают открытую вооружённую борьбу. Появляются незаконные вооружённые формирования, совершаются террористические акты, диверсии и захваты заложников.

Четвёртая стадия развития кризиса характеризуется вовлечением в него субъектов международной политики в лице правозащитных и гуманитарных организаций, а также оказание дипломатического, информационно-пропагандистского и экономического давления на население и руководство страны, где имеет место конфликтная ситуация. В случае если такое давление не приводит к нужным результатам, а противоборство принимает форму гражданской войны, как это было в Ливии и имеет место в настоящее время в Сирии, в ходе которой мятежники не могут свергнуть правящий режим, то в Совете Безопасности ООН ставится вопрос о вооружённой интервенции против данного государства для свержения «диктаторского» режима.

После начала активных действий сторон и обострения противостояния в ходе конфликта, события, как показывает исторический опыт, могут развиваться по следующим сценариям:

1. Относительно быстрая победа одной стороны конфликта и поражение другой. Именно так развивались события в Тунисе и Египте. При этом, будучи неудовлетворённой таким исходом, побеждённая сторона, собравшись с силами, может снова создать кризисную ситуацию, начав новый виток противостояния, чтобы взять реванш, как это произошло в Египте по-

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис, № 1, 1994. URL:<http://gtmarket.ru/expertize/2007/2498>

сле прихода к власти движения Братья мусульмане и в Ираке, когда суннитский анклав при поддержке Саудовской Аравии ведёт вооруженную борьбу с шиитами, пытаясь восстановить свои позиции в стране.

2. Создаётся ситуация относительного равенства сторон. В этом случае конфликт приобретает характер длительного вооруженного противостояния, как это имело место в Ливии и происходит в настоящее время в Сирии. Его интенсивность меняется в зависимости от активности сторон. При этом может произойти расширение конфликта путём вовлечения в его орбиту новых участников, среди которых оказываются те, кто пытается разрешить его в свою пользу, играя роль миротворцев.
3. В случае возникновения патовой ситуации, когда обе стороны пришли к выводу о бесперспективности продолжения борьбы, начинается процесс урегулирования конфликта. Это свидетельствует об истощении моральных, людских и материальных ресурсов сторон на фоне осознания риска полного проигрыша, нередко обоюдного, обусловленного опасностью взаимного уничтожения. Примерами этому являются: мирное разрешение Карибского кризиса и последующее подписание Хельсинских соглашений, ознаменовавших начало эпохи разрядки международной напряженности, а также начало дипломатического урегулирования ситуации в Сирии и попыток дипломатического решения иранской проблемы. Иными словами, в данном случае должна сложиться такая ситуация, когда участники противостояния осознают полную бесперспективность продолжения борьбы.

При этом возможность мирного урегулирования конфликта может быть облегчена наличием у противоборствующих сторон определённых совпадающих интересов. При этом полезно бывает выявить интересы, не затронутые в ходе конфликта и являющимися интересами второго плана. Они также могут быть увязаны при переговорах, что сыграет свою роль в ходе урегулирования конфликта. На это обстоятельство обратил внимание один из основателей конфликтологии Т. Шеллинг, заметив, что «чистые» конфликты, или конфликты с нулевой суммой, когда одна сторона получает всё, а другая всё теряет, встречаются редко⁷. Прак-

тически большинство конфликтов не является конфликтами «с нулевой суммой». Это открывает перспективу нахождения разумного баланса интересов. Осознание этого факта противоборствующими сторонами может стать залогом его урегулирования и открыть перспективу перехода от конфронтации к совместному поиску решения.

С учётом вышеизложенного рассмотрим некоторые подходы к проблеме урегулирования конфликтов. Одним из них является принцип разведения сторон, который был применен при разрешении конфликта между Египтом и Израилем вокруг Синайского полуострова, оккупированного Израилем в результате войны 1967 г. В данном случае разрешение конфликта стало возможным по результатам войны Судного дня 1973 г. и заключения мирного договора между Египтом и Израилем в Кэмп-Дэвиде в 1978 г., по которому Египет вернул себе суверенитет над Синайским полуостровом при условии его демилитаризации и гарантий безопасности Израилю со стороны Египта.

Однако принцип разведения сторон эффективен далеко не всегда. Часто бывает, что стороны заинтересованы в захвате или установлении контроля над одними и теми же ресурсами: территориями, источниками сырья, транспортными коммуникациями, выходам к морю. Тем не менее, и здесь возможно разрешение конфликта на основе различения значимости объектов соперничества для его участников и последующим взаимным уступкам.

Принцип взаимных уступок может быть реализован путём обращения сторон к независимым экспертам для выработки соответствующих предложений. В качестве таких экспертов могут привлекаться авторитетные общественные деятели, учёные, международные организации, которые на основе анализа ситуации предлагают варианты решения, позволяющие выбрать оптимальный или сформировать на их основе обобщённый подход к разрешению данного конфликта.

В некоторых ситуациях противоречия между участниками конфликта могут оказаться на каком-то этапе неразрешимыми. Примером этому является тупиковая ситуация в палестинско-израильском противостоянии. Дело в том, что оба народа претендуют на одну и ту же территорию, на одну и ту же столицу, одни и те же святые места. Всё угрожает перерастанием территориального спора в масштабный конфликт между исламским миром и Западом. В данном случае обмен уступками крайне затруднён вследствие значимости объектов спора

⁷ Шеллинг Т. Стратегия конфликта. Пер. с англ. Т. Даниловой под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. М.: ИРИСЭН, 2007, с. 109–111.

для жизненных интересов сторон и их принципиального нежелания идти на компромисс. Единственным путём движения к достижению согласия может явиться снижение остроты конфликта путём временного отказа от выдвижения принципиальных вопросов и достижения договорённостей по второстепенным направлениям. Это позволит прийти к рамочному соглашению, снижающему остроту противостояния и позитивно влияющему на укрепление региональной безопасности.

Поиску конкретных вариантов разрешения конфликта, как правило, должно предшествовать снижение уровня напряженности. С этой целью проводятся мероприятия по деэскалации уровня противостояния и выдвижение одной из сторон мирных инициатив, имеющих целью побудить противоположную сторону последовать своему примеру. Основная трудность в данном случае состоит в недоверии между его участниками. Сторона, идущая на деэскалацию и выдвигающая мирные инициативы рискует оказаться в ситуации, когда противоположная сторона примет это за признак слабости и ответит усилением конфронтации. Чтобы этого не произошло, иногда необходимы гарантии третьей стороны. Примером использования принципа деэскалации конфликта является разрешение Карибского кризиса 1962 г, когда советская и американская стороны последовательно делали шаги с целью выхода из взрывоопасной ситуации.

Важным аспектом урегулирования конфликтов является разрешение территориальных претензий их участников. Согласно современной международно-правовой практике субъектами территориальных споров признаются только государства. Национальные территории, входящие в государство, таковыми не являются. Это говорит о том, что борьба наций за самоопределение и образование самостоятельных государств на занимаемых ими территориях не рассматривается как территориальный спор. Но это препятствие не является непреодолимым. Население отдельной государственной территории, руководствуясь принципом самоопределения наций, может создать субъект международного права путём проведения референдума и последующих выборов в высший орган власти. Примерами являются Палестина, Косово, Абхазия и Южная Осетия, народы которых создали новые субъекты международного права и добиваются признания своих государств на международной арене.

Территориальные споры в международной практике считаются конфликтами «с нулевой

суммой», т.е. в результате его разрешения одна из сторон теряет территорию, а другая её приобретает. Но этого варианта можно избежать, если достигается соглашение о совместном владении или использовании данной территории. Например, путём создания общей экономической зоны или предоставления права экономической деятельности на данной территории, создания анклава или военной базы.

Ещё одним вариантом разрешения территориального спора может быть исчезновение предмета спора, как это произошло с островом Даманским, который вошел в состав КНР в результате демаркации границы между РФ и Китаем, в результате чего этот остров стал китайской территорией.

Рассмотренные подходы к урегулированию конфликтов предназначены, главным образом, для создания благоприятных условий при урегулировании проблемы на межправительственном уровне. Вместе с тем, здесь должны учитываться такие эмоциональные моменты как настроения населения и его отношение к данному конфликту, а также желаемые пути его решения.

В этом плане важным фактором урегулирования конфликтов являются неформальные контакты между представителями противоборствующих сторон. Они способствуют преодолению образа врага и установлению атмосферы доверия. Кроме того, они являются важнейшим источником информации о позициях сторон, а также каналом обмена мнениями и площадкой для обсуждения путей выхода из конфликтной ситуации. Подобные неформальные контакты оказывают положительное влияние, как на население, так и на противоборствующие стороны. Это называется «народной дипломатией», в рамках которой появляется возможность проводить встречи и конференции переговорного формата с участием представителей общественности конфликтующих сторон.

Результаты данного подхода скажутся не сразу, но систематическое его применение значительно облегчит работу дипломатам, так как снизит уровень напряженности и создаст атмосферу доверия, особенно если в таких контактах будут принимать участие неагжированные авторитетные посредники и профессионалы в данной области.

Существенную роль в снижении уровня конфликтности может сыграть деятельность военных миротворческих контингентов, осуществляемая с целью недопущения или прекращения военной фазы конфликта. Военное миротворчество заключается в физическом разъединении сторон

путём введения в зону конфликта воинских контингентов и международных наблюдателей. Миротворчество предполагает оказание конфликтующим сторонам помощи со стороны специалистов, финансовыми средствами, медикаментами, продовольствием, обучением персонала, содействием в проведении референдумов и выборов, а также обеспечением контроля за соблюдением соглашений.

«Принуждение к миру», как одна из форм миротворчества, применима в ситуациях, когда одна из сторон пытается разрешить конфликт военными средствами, активно противодействуя усилиям по его политическому урегулированию. Тогда миротворчество принимает форму войсковой операции, как это имело место в августе 2008 г. при защите Южной Осетии от грузинской агрессии. В целом следует отметить, что если традиционное миротворчество по своей сути является посредничеством военного контингента в политическом урегулировании конфликта, то «принуждение к миру» представляет собой силовую операцию, направленную на прекращение вооруженных столкновений сторон и установление мира путём нанесения поражения агрессору.

Превентивная деятельность по предотвращению конфликтов и кризисных ситуаций

Управление современными государственными и международными системами априорно является антикризисным на всех этапах их развития. Это требует от политиков всех уровней умения своевременно распознавать приближающиеся кризисные явления и принимать адекватные управленческие решения.

Для высшего государственного руководства наиболее важным элементом антикризисного управления является диагностика и превентивная санация кризисных тенденций и явлений. Диагностика позволяет получить достоверную информацию о реальных целях и возможностях противостоящих сторон, что даёт возможность приступить к формированию рефлексивной модели антикризисного управления.

При этом антикризисное управление определяется как система мер и методов по диагностике, выявлению, нейтрализации причин кризисных явлений и преодолению их последствий. Оно должно охватывать все стадии зарождения и развития кризисного процесса, включая его предупреждение, профилактику и устранение последствий.

Система антикризисного управления должна обладать гибкостью, быстротой реакции на возникающие вызовы и угрозы, адаптивностью к изменениям социально-политической и международной обстановки, а также способностью эффективно использовать имеющиеся у государства геополитические потенциалы и неформальные методы управления. При этом следует принимать во внимание фактор времени, который имеет экономическую и военно-политическую цену, особо значимую в период зарождения и развития кризисных тенденций и явлений.

Эти особенности механизма антикризисного управления обуславливают решение таких задач, как своевременное распознавание симптомов и причин приближающегося кризиса, его классификацию и выработку мер для его преодоления. Индивидуальные особенности и специфика каждой кризисной ситуации требует учёта при диагностике, санации и проведении превентивных мероприятий для своевременного и эффективного купирования угрожающих тенденций.

Проблематика предотвращения конфликтов и кризисных ситуаций актуальна в связи с тем, что предупреждение данных явлений значительно легче осуществить, чем прекращение конфликта. При этом целью превентивной деятельности является своевременное распознавание признаков и природы конфликта и причин его порождающих, а также инициаторов и движущих сил на общественном, государственном и международном уровнях. Здесь следует подчеркнуть, что сам термин «предупреждение» применяется не к кризису и конфликту вообще, а лишь к его деструктивным формам. Это объясняется тем обстоятельством, что нельзя остановить социально-политическое развитие общественных и международных систем и неразрывно связанные с ним кризисные явления, принимающие форму конфликтов, но следует пытаться предупредить их деструктивные проявления, связанные с насилием, человеческими жертвами, нанесением ущерба имуществу, общественным интересам и ценностям.

Поэтому содержание превентивной деятельности заключается в определении мер воздействия на структурные элементы конфликта, которые включают участников конфликта, мотивы их поведения, объекты воздействия и применяемые методы и средства, до того как возникли его деструктивные проявления.

В зависимости от характера конфликта, источников его зарождения и развития превентивная

деятельность должна быть направлена на предупреждение насилия, его неконтролируемой эскалации и направления хода событий в русло мирного разрешения проблемы.

В связи с этим различают два вида превентивной деятельности: на ранней стадии для предотвращения конфликта и после его возникновения для предотвращения его неконтролируемого развития.

Деятельность по раннему предупреждению конфликтов и кризисных ситуаций направлена на предотвращение эскалации насилия до вооруженного противостояния сторон или массовые протестные выступления народных масс. При этом следует учитывать то обстоятельство, что зачастую один из участников конфликта чаще всего не ставит перед собой задачу нормализации отношений и не стремится искать пути его разрешения на договорной основе с противоположной стороной.

Примерами деятельности по предупреждению конфликтов и кризисных ситуаций является челночная дипломатия, посреднические усилия общественных и религиозных деятелей, миссии наблюдателей, направление в кризисные районы миротворческих сил, проведение войсковых учений в сопредельных к зоне конфликта регионах, а также демонстрация флага военно-морских и военно-воздушных сил. Все эти меры необходимо проводить до того, как конфликт перейдет в стадию вооруженного противостояния сторон.

Стратегия раннего предупреждения кризисных ситуаций должна использовать эффективно действующую систему мониторинга очагов потенциальных конфликтов для их картографирования и выявления динамики развития. Наилучшими периодами для проведения мониторинга являются конфликты, находящиеся в латентной стадии, т.к. в данном случае имеются все возможности для предотвращения развития конфликтов по катастрофическому сценарию.

Гуманитарные организации и иностранные агентства, работающие в конфликтных районах и не ангажированные третьими силами, могут поставлять наиболее свежую и достоверную информацию по состоянию данной проблемы, а также осуществлять личные контакты и посреднические функции, которые имеют чрезвычайную ценность в деле успешного предупреждения конфликта. Эта деятельность может осуществляться при взаимодействии со СМИ и исследовательскими организациями⁸.

⁸ Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T. Contemporary Conflict Resolution. L.: Polity Press, 1999, p. 97.

Превентивные шаги могут включать миссии по выявлению и исследованию факторов, свидетельствующих о тенденции нарастания конфликта, а также возможных его границах и степени остроты противоречий. Полученная информация должна использоваться для обсуждения в экспертном сообществе, организации диалога и переговоров сторон-участниц потенциального конфликта⁹.

На следующих этапах возможно привлечение международных организаций, а также оказание материальной и технической поддержки усилиям посредников и участникам переговоров, а также направление миротворцев в районы потенциальных конфликтов. Все эти меры предоставляют сторонам критически важное время для поиска альтернатив мирного разрешения конфликтной ситуации.

На стадии предотвращения неконтролируемого развития конфликта ставится задача системного анализа глубинных причин конфликтной ситуации на основе изучения противоречивых интересов сторон и асимметрии их отношений.

Масштабная превентивная деятельность включает изучение вопросов причин неравномерного развития регионов и положения этно-религиозных общностей, особенностей их социально-политических культур и взаимоотношений между ними с учётом выявленных структурных причин конфликта, к которым можно отнести экономическое и социальное неравенство населения региона и неэффективную работу органов власти¹⁰.

Результатом разработки превентивных мер могут быть программы экономического развития конфликтногенных регионов, разработка механизмов урегулирования противоречий, миротворческая деятельность, акции по установлению межкультурных контактов и создание организаций по предотвращению и урегулированию конфликтов. К дополнительным мерам можно отнести пропаганду национального и конфессионального согласия и создание механизмов мирного и конструктивного разделения политической власти, как в масштабах государства, так и его отдельного региона¹¹.

⁹ Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. Washington, D.C.: Carnegie Corporation of New York, 1997, p. 40.

¹⁰ Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T. Contemporary Conflict Resolution. L.: Polity Press, 1999, p. 97.

¹¹ Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. Washington, D.C.: Carnegie Corporation of New York, 1997, p. 39–40, 69, 89.

Библиография

1. Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект-Пресс, 2004, с.23. Бордунова Е. Молодёжь в странах Ближнего Востока: социально-политические и экономические последствия быстрого демографического роста. ГУ-ВШЭ. Реферат. <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/student03.php>
2. Попов О. Российские правозащитные организации и «западные» правозащитные фонды. 16.03.2008. <http://sibcenter.info/geopolitics/2008/03/rossijskie-pravozashitnye-organizaiy>.
3. Макинтайр Р. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов. // Проблемы прогнозирования, № 2, 2002.
4. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. http://www.aeinstein.org/FDTD_Russian.pdf
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис, № 1, 1994. URL:<http://gtmarket.ru/expertize/2007/2498>
6. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. Пер. с англ. Т. Даниловой под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. М.: ИРИ-СЭН, 2007, с. 109–111.
7. Miall N., Ramsbotham O., Woodhouse T. Contemporary Conflict Resolution. L.: Polity Press, 1999.
8. Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. Washington, D.C.: Carnegie Corporation of New York, 1997.
9. Филиппов В.Р. Буркина Фасо: политический кризис 2011 года // Международные отношения. – 2013. – 4. – С. 424–438. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9721.
10. Гушер А.И. Вызовы и угрозы безопасности России // NB: Международные отношения. – 2014. – 1. – С. 64–75. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
11. Гуаньцюнь Л. Роль тайваньской проблемы в морской политике КНР // Международные отношения. – 2013. – 4. – С. 469–509. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9754.
12. Манойло А.В. Геополитическая картина современного мира // Национальная безопасность / nota bene. – 2013. – 5. – С. 149–155. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.5.9394.
13. Валиуллин И.И. Эволюция понятия «информационная война» в политической науке // Международные отношения. – 2014. – 1. – С. 68–74. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10064.
14. Евсеев В.В. Сирийский кризис под углом российско-американских отношений // Национальная безопасность / nota bene. – 2013. – 6. – С. 111–121. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.6.10128.
15. Карпович О.Г. Конфликты цивилизаций: актуальные проблемы // Международные отношения. – 2014. – 1. – С. 62–67. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.9000.
16. Манойло А.В. Политические конфликты в международных отношениях и мировой политике. // Мир и Политика. 2013. №2. С. 71–82.
17. Манойло А.В. Урегулирование и разрешение международных конфликтов. // Мир и Политика. 2013. №10. С. 130–140.
18. Манойло А.В. Специфика цветных революций «арабской весны». // Известия Уральск. Федерального Ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2013. №3. С. 30–36.
19. Андреев М.В.. Стратегии развития межкультурного диалога в контексте укрепления национальной безопасности: актуальные проблемы общественно-политической доктрины Западной Европы и США. // Национальная безопасность / nota bene. – 2013.-№ 6. – С. 35–45. DOI: .10.7256/2073-8560.2013.6.10657.
20. Афанасьев В.В.. Современные локальные конфликты. // Международные отношения. – 2014.-№ 1. – С. 56–61. DOI: .10.7256/2305-560X.2014.1.1006

References

1. Lebedeva M.M. Mirovaya politika. M.: Aspekt-Press, 2004, s.23. Bordunova E. Molodezh' v stranakh Blizhnego Vostoka: sotsial'no-politicheskie i ekonomicheskie posledstviya bystrogo demograficheskogo rosta. GU-VShE. Referat. <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/student03.php>
2. Popov O. Rossiiskie pravozashchitnye organizatsii i «zapadnye» pravozashchitnye fondy. 16.03.2008. <http://sibcenter.info/geopolitics/2008/03/rossijskie-pravozashchitnye-organizaiy>.

3. Makintair R. Sotsial'naya politika v stranakh s perekhodnoi ekonomikoi v aspekte razvitiya chelovecheskikh resursov. // Problemy prognozirovaniya, № 2, 2002.
4. Sharp Dzh. Ot diktatury k demokratii. Kontseptual'nye osnovy osvobozhdeniya. http://www.aeinstein.org/FDTD_Russian.pdf
5. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii? // Polis, № 1, 1994. URL:<http://gtmarket.ru/expertize/2007/2498>
6. Shelling T. Strategiya konflikta. Per. s angl. T. Danilovoi pod red. Yu. Kuznetsova, K. Sonina. M.: IRISEN, 2007, s. 109–111.
7. Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T. Contemporary Conflict Resolution. L.: Polity Press, 1999.
8. Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. Washington, D.C.: Carnegie Corporation of New York, 1997.
9. Filippov V.R. Burkina Faso: politicheskii krizis 2011 goda // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – 4. – С. 424–438. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9721.
10. Gusher A.I. Vyzovy i ugrozy bezopasnosti Rossii // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 1. – С. 64–75. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
11. Guan'tsyun' L. Rol' taivan'skoi problemy v morskoi politike KNR // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – 4. – С. 469–509. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9754.
12. Manoilo A.V. Geopoliticheskaya kartina sovremennogo mira // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2013. – 5. – С. 149–155. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.5.9394.
13. Valiullin I.I. Evolyutsiya ponyatiya «informatsionnaya voina» v politicheskoi nauke // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 1. – С. 68–74. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10064.
14. Evseev V.V. Siriiskii krizis pod uglom rossiisko-amerikanskikh otnoshenii // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2013. – 6. – С. 111–121. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.6.10128.
15. Karpovich O.G. Konflikty tsivilizatsii: aktual'nye problemy // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 1. – С. 62–67. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.9000.
16. Manoilo A.V. Politicheskie konflikty v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i mirovoi politike. //Mir i Politika. 2013. №2. S. 71–82.
17. Manoilo A.V. Uregulirovanie i razreshenie mezhdunarodnykh konfliktov. //Mir i Politika. 2013. №10. S. 130–140.
18. Manoilo A.V. Spetsifika tsvetnykh revolyutsii «arabskoi vesny». // Izvestiya Ural'sk. Federal'nogo Un-ta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki. 2013. №3. S. 30–36.
19. Andreev M.V.. Strategii razvitiya mezhkul'turnogo dialoga v kontekste ukrepleniya natsional'noi bezopasnosti: aktual'nye problemy obshchestvenno-politicheskoi doktriny Zapadnoi Evropy i SShA. // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2013.-№ 6. – С. 35–45. DOI: .10.7256/2073-8560.2013.6.10657.
20. Afanas'ev V.V. Sovremennye lokal'nye konflikty. // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014.-№ 1. – С. 56–61. DOI: .10.7256/2305-560X.2014.1.1006